

Ц ● 17 ноября 1992 г.

16 ноября 1962 года был подписан к печати сигнальный экзemplя 11-го номера «Нового мира», в котором была напечатана повесть никому не известного А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича».

ОДИН день в жизни Александра Исаевича и всей страны, один из 365 дней того (62-го) года, времени, которое называется шестидесятыми и вызывает счастье и грустную улыбку, злость и раздражение других. Год «Вологодской свадьбы» А. Яшина, «Апельсинов из Марокко» В. Аксенова, бондаревской «Тишины» и путевых заметок Б. Некрасова. Год «Наследников Сталина» Евтушенко и повести В. Максимова «Жив человек», «Первого учителя» Айтматова и «Иду на грозу» Гранина. Год «Иванова детства» Андрея Тарковского и «Старшей сестры»

была ли сто лет назад Швейцария нынешней Швейцарией? Оппоненты Солженицына, утверждающие, что русская литература свидетельствует об опасности идеализации русской жизни перед революцией, столь же справедливы, сколь и банальны. Они неправы в другом — об этом же говорит и европейская, и американская литература, и Солженицын вовсе не идеализирует государство, русскую Церковь. Он их любит — это не одно и то же. Он их любит «зрячею любовью», по выражению одного из тон-

избрани Бориса на царство, а закончил трезвым, мудрым и прозорливым: «Народ безмолвствует».

Все народы — европейские, азиатские и американские — безмолвствуют, когда правители их руками свершают преступления, потом кричат от боли и страдания. Французская революция ничуть не более гуманна и разумна, чем Октябрьская, и французский народ вел себя ничуть не менее мерзко, чем народы, населявшие нашу страну. Народ в целом — рабские, крестьяне, солдаты, офицеры, буржуазия, дворянство. Народы и сейчас безмолвствуют — всенародно выбирая президентов и президентов, чтобы всенародно от них через год отказаться; всенародно голосуя за Союз и всенародно — за отделение. Демократия? Нет, демократия сверху и дерьмократия внизу.

Драма, если не трагедия нашей истории в том, что хамократия правила страной слишком долго, планомерно вытрав-

Борис ЛЮБИМОВ

ТРИДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ...

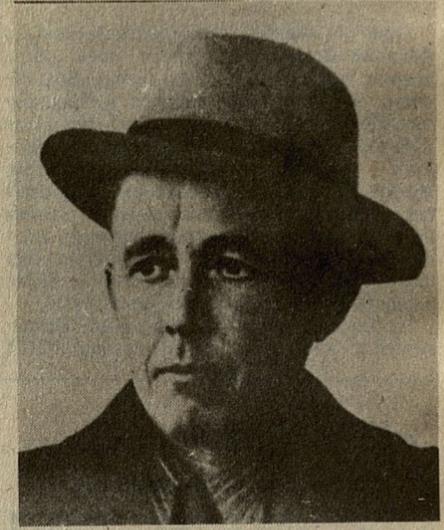
А. Володина в «Современнике» и у Товстоногова... Год, когда в Союз писателей одновременно принимают Г. Боровика и В. Войновича, нынешнего редактора «Континента» И. Виноградова и нынешнего директора ИМЛИ Ф. Кузнецова. Год карибского кризиса, выставки в Мюнхене и Новочеркасского расстрела. Мы три года жили — школьники и учителя, рабочие и колхозники, врачи и инженеры, студенты и академики, солдаты и генералы, комсомольцы и партработники, писатели и духовенство.

«Мы — дети страшных лет России...» В свете прожитого в XX веке блокадского поколения воспринимается не детьми, а прадедами страшных лет России. Деда, отцы и дети, внуки и правнуки пытаются понять, что было, что есть, а главное, что будет и когда. «Опять подошли «незабвенные даты», и нет среди них ни одной не проклятой» (А. Ахматова). Все же есть, и одна из главных — то, помянутое, 16 ноября 1962-го. Стоит ее отметить и саму по себе, и в свете того, что мы сейчас переживаем — на мой взгляд, за эти 30 лет никто «Красным колесом», «Архипелагом ГУЛАГом», «Раковым корпусом» не сказал нам столь объемно и столь убедительно, насколько это в человеческих силах, как А. Солженицын.

Н. Струве рассказывал мне, как, встретившись с Солженицыным в день его высылки из России, он неожиданно услышал уверенность писателя в том, что осенним дождливым днем он вернется на Родину. В 74-м году это казалось столь же невероятным, сколь и услышанные мной в декабре 1983 г. с экрана французского телевидения спокойные слова о том, что он вернется в Россию не только в неопределенном будущем — книгами (это, я думаю, было понятно и тем, кто его высылал), а в будущем — обозримой семьей.

ких зарубежных интерпретаторов творчества Солженицына А. Шмемана.

СОЛЖЕНИЦЫН — монархист... Начнем с того, что это не бранное слово, а термин. Добавим, что на земле, в Европе и в Азии, есть страны, где живут не плохо, а монархия есть, — Англию, Бельгию, Данию или Японию никто за это не исключает из числа цивилизованных народов. Но самое главное: нельзя назвать ни одного русского царя — от Петра I до Николая II, — которого

После выписки из ташкентского онкодиспансера.

Весть об аресте архива. Сентябрь, 65-й г.

ля из нескольких поколений способность сопротивления хамству. Поражает не очевидная тенденция к вырождению, имеющая аналогию в гибели природных богатств, ценных пород рыбы и зверя, леса, а то, что, несмотря на почти 80 лет непрерывной войны (с августа 1914-го начиная), народ все еще способен рождать — то умельца, то спортсмена, то священника, то артиста, то ученого, то музыканта, то просто хорошего человека. Это едва ли не единственное основание сегодня для «национальной гордости великороссов». Другие, смею думать, не выдержали бы.

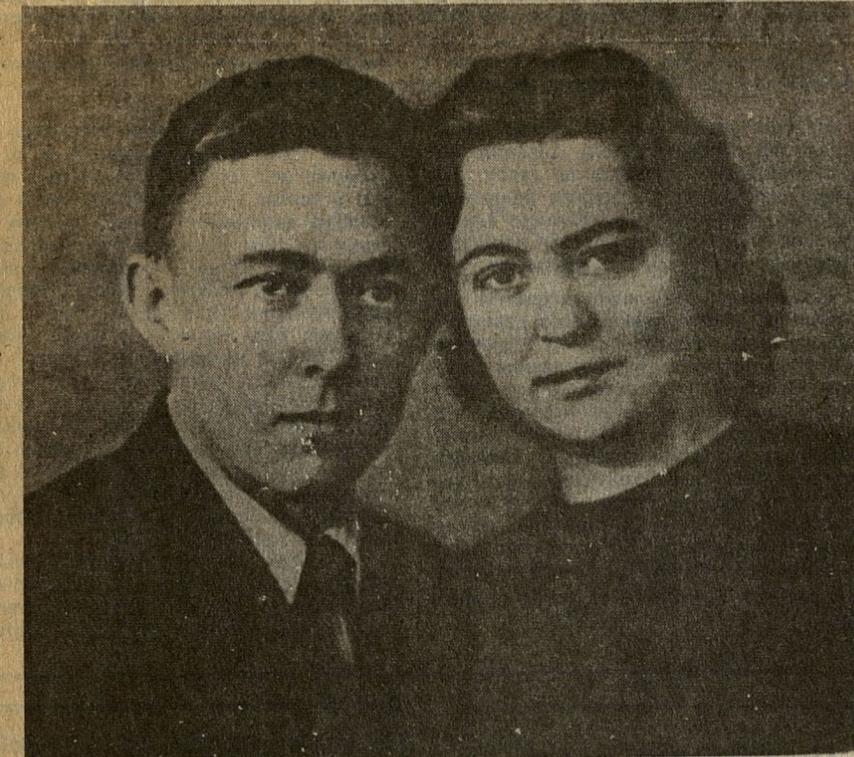
Страшную горизонталь истории прорывает светлая вертикаль, и в грозном небе образуется крест — как 16 ноября 1962 г. в карибско-новочеркасско-манежную страну прорвался Иван Денисович. Теленок время от времени валит дуб.

ВСЕ МЕНЬШЕ и меньше времени отделяет нас от возвращения Солженицына в Россию. Он придет в неопределяемую страну. Когда Горбачев был генсеком, он был лучшим из худших, и его ценили за то, что прощали второе. Став президентом, он приобрел новое основание для сравнения и стал худшим из нормальных. Ельцин безуспешно пытается сделать нас нормальными среди нормальных. Многие сбываются, но слишком поздно — как повышенная зарплата, полученная спустя полгода. В одних квартирах кипятилок прорывает стену, в других не топят. Собаки кусают хозяев и соседей — берут пример с людей. Утрачены иллюзии симпатичной и законной власти. Все в споре — распадаются театры, гимназии, церковные общины, футбольные команды, редакции журналов, совместные предприятия, страны и народы. Распадаются дружеские компании — семьи, получавшие 150 р. в месяц и дружившие со сторульбовыми семьями, получающими 1500 р., не могут дружить со стодолларовыми. Хам и раньше мочился на улице — теперь он делает это открыто, на глазах у сотен людей да еще на памятник Орловскому, что рядом с Малым театром. Сторож ворует у барина и люто его ненавидит. «Никогда такого не было», — говорят семидесятилетние ровесники ГУЛАГа. «Хорошее время», — говорит семнадцатилетняя первокурсница. Полуобразованные пенсионеры, поклонники Чумака и Кашпировского, северо- и южноамериканских сериалов отходят к пиану, наглому лошадиной доли опуму для народа. «Наши плюралисты» пытаются стать монополистами. «Красные» проиграли «зеленым», червонцы — долларам.

Если на вас напали пять человек — вы можете начать драться; можете попытаться убежать; можете лечь на землю, прикрывая уязвимые места. Если на вас напали 400 человек, спасти вас может только чудо. Вот почему люди, сохраняющие бытовую порядочность, когда доллар на черном рынке стоил 5 рублей, сдаются в наше время, когда он стоит 400. Пожалуй, смелых сейчас больше, чем честных. 20 лет назад — наоборот.

НА ВОПРОС, верит ли он в чудеса, Вл. Соловьев в свое время ответил: «Я только в чудеса и верю». Вот в такое чудо, каким был в ноябре 1962-го «Один день Ивана Денисовича». Год назад я читал его вслух десятилетней дочери.

...Прав был Пастернак: «вакансия поэта» опасна, если не пуста». Опасна прежде всего для поэта. Но если пуста — в опасности страна и культура. Вот почему приходится верить в еще одно чудо — ноябрьским днем 92-го и 93-го годов откроешь номер «Нового мира» или «Дружбы народов», «Знамени» или «Мужской», прочтешь повесть неизвестного писателя — и почувствуешь, что еще на тридцать лет и подлунная история русской литературы, а значит, и России.

Молодожены. Ростов-на-Дону, 1940 г.

Когда в середине семидесятых годов мы читали в первом томе «Архипелага»: «Я слышу, я слышу, нормальные свободные люди, вы кричите мне из 1990 г. ...» — это могло казаться (и казалось) прихотью и произволом фантазера. Когда в этом самом 1990 г. мы читали: «Часы коммунизма — свое отбили. Но бетонная постройка его еще не рухнула. И как бы нам, вместо освобождения, не расплющить под его развалинами», — это тоже казалось очередной натяжкой. Надо признаться наконец: слишком многое сбывается из того, что говорит писатель, чтобы пройти мимо этого, просто отмахнувшись.

Мировые войны, революции, тюрьмы, лагеря и ссылки, рак — ни у одного писателя XIX века, который до сих пор справедливо является эталоном и основанием для сравнения с ветхом нынешним, не было такого опыта; ни один из современников Солженицына, сопоставимых с ним по масштабу дарования и мышления, не захотел (или не смог) дать целостную картину истории поражения России.

Стоило бы задуматься над тем, что это вообще, быть может, магистральная тема русской литературы — от «Слова о полку Игореве» (XII в.), от «Слова о погибели Земли Русской» (XIII в.) — до Солженицына, Астафьева, Максимова. От поражения к Преображению — Ключевский писал, что отличительной чертой истории России является способность подниматься из униженного состояния. Можно было бы сказать, что эта черта является следствием христианского фермента русской литературы и, в частности, творчества Солженицына: крест, страдания, унижения и оскорбленных и воскресение.

Достоевский считал, что истоком литературы второй половины XIX века была мысль В. Гюго о восстановлении души забитого человека, «отверженного». Об этом стоит подумать как тем, кто считает, что мы недостойны Европы, так и тем, кто считает Европу недостойной нас. Герои Гюго и Диккенса живут по образу героев Достоевского, крестьяне Мопассана — не лучше чеховских «мужиков», Минк. Сноупс из фолкнеровской «Деревни» не лучше персонажей бунинской «Деревни». Конечно, Россия столетней давности — не Швейцария. Вопрос:

Солженицын и в романах, и в публицистике представил читателям как эталон. В недавнем «Как нам обустроить Россию» он говорит и о «взбалмошной фантазии» Александра I, и о «необдуманном завоевании» Александра II. В «Красном колесе» он сострадает Николаю II и императрице, но не изображает их святыми, и это проводит резкую грань между Солженицыным и фанатичными поклонниками и слепыми врагами дореволюционной России.

Солженицын — «великодержавник»... Хорош великодержавник, негодующий на то, что мы 300 лет куда-то лезем вширь вместо того, чтобы расти вглубь, выдающий позор в запретах украинского языка и т. д. Но он спрашивал еще летом 1990 г.: «Притеснение абхазцев, притеснение осетин и недопуск на исконную родину осетинских Недопинских мехов, — неужели это и есть желанная национальная свобода?» Можно, конечно, маневры грузинских солдат в Абхазии рассматривать как «дислокацию». Но тогда и войска генерала Родионова в апреле 1989 г. на улицах Тбилиси занимались дипломатией, и ОМОН в Вильнюсе в январе 1991 г. — тоже.

Солженицын — православный. Как Гоголь, как Достоевский... Он знает крестный путь десятков тысяч священнослужителей, шедших этим путем от первого до последнего дня советской власти и продолжающих им идти. Он не разделяет запоздалой истории нынешних «катакомбников» и паранойи самодовольства Зарубежной Церкви. Но он видел и исторические, и современные грехи Церкви и писал о них тогда, когда нынче по «архипелагам» сдавали зачеты по атеизму и научному коммунизму.

Солженицын не приемлет байки «наших плюралистов» о вечном рабском начале русского народа (рабское как минимум уравновешивается бунтарским началом, а самое главное, посередке между ними лежит средний, «царский» путь смирения и достоинства, самопожертвования и благородства). Но он не идеализирует народ и не считает возможным говорить о народе лишь как о простонародье. Пушкин с интригой бояр начал «Бориса Годунова», продолжил безразличием и даже лицемерием простого народа при